

- 4 ФЕВ 1986

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Т. Москва

ИНТЕРВЬЮ «МК»

ДОРОГА ЗА ГОРИЗОНТ

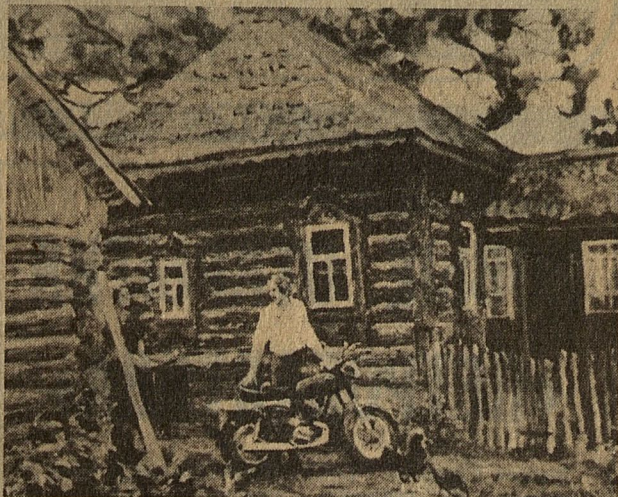
КАК выглядит выставочный зал накануне вернисажа? Часть работ развешена по стенам, остальные стоят на полу, прислоненные тыльной стороной. Этикетки с названиями уже готовы, но пока еще существуют отдельно от полотен — где-то на столе у администрации. Сам автор в рабочей одежде, с баночкой бронзовой краски и кистью в руках ходит вокруг картин, подкрашивая рамы, добиваясь золотого отлива. Или вдруг бросается что-то прибивать, потому что уже поздний вечер, рабочие давно ушли, а до открытия выставки еще надо столько успеть...

КАРТИНЫ Неменского вполне можно смотреть и без названий. Чем меньше подсказок, тем больше мыслей, ассоциаций рождает в голове его живопись. Вот Бранденбургские ворота, памятники и соборы Берлина. Безлюдные улицы, разрушенные дома. Языки пламени и огромные, закрывшие все небо клубы дыма. Таким увидел поверженный город двадцатидвухлетний Борис Неменский.

3 мая 1945 года он записал в своем дневнике: «Страшен конец фашистского Берлина. У забаррикадированных Бранденбургских ворот прямо по площади — немецкий госпиталь. Среди красноватого густого сумрака дымятся искалеченные немецкие дома, бесцельно бродят искалеченные немецкие солдаты... Германия у разбитого корыта...»

Картины послевоенных лет. Сколько в них оптимизма, надежд на счастье! Но чем дальше отодвигалась война, тем трагичнее проявлялась военная тема в творчестве Неменского. В работах последних лет, посвященных войне, мы видим художника-философа, художника — борца. Его манера сурова и сдержанна, и за конкретностью изображенных реалий и персонажей угадывается общечеловеческая тревога за будущее всей земли.

Одна из комнат выставки занята серией из пятнадцати портретов. Это группа студентов художественного факультета Института кинематографии, которую Неменский вел пять лет. Какие они разные по характеру, по темпераменту, отношению к жизни! В каждого из них он

вложил свое неравнодушие, свои тревоги и сомнения, интерес к миру. Десять лет, как они окончили институт, а он и сегодня знает в подробностях дела каждого: кто добился мастерской, а кто не сумел, работает в кино или занялся живописью или графикой...

— Положение художника сложное, — говорит Неменский, глядя на портреты своих учеников. — Взять, к примеру, этот мой курс. Мастерской почти никто не имеет. Врач, инженер, ученый — все получают помещение для работы, инструмент, материалы. Художник — нет. А как работать?

— Вы преподаете во ВГИКе, имеете дело с людьми, уже окончившими художественные училища, отслужившими, как правило, в армии. Все они довольно взрослые, сформировавшиеся, многому обученные люди. Что же им дает общение с педагогом?

— Для творчества важны способность научиться, накопить знания и умение перешагнуть через них, пойти своей дорогой. Художника определяет мироотношение. Оно складывается из многих элементов. Художнику нужна палитра общей культуры. Я приглашаю к своим студентам разных интересных людей, знакомлю с проблемами психологии, других наук. Считаю, что очень важно знать свою Родину. Не через газеты, журналы, а собственными ногами. Походить по земле, как когда-то ходил Максим Горький.

— А практика? Вы же каждый год выезжаете на летнюю практику?

— Это — нуль по сравнению с тем, о чем я говорю. Приехали мы на практику, и я им подсказываю, какой пейзаж написать, как расположить. Это — профессиональный подход, а необходим человеческий. Можно поработать учителем, оформителем. Не на короткий срок приехать, только чтобы заработать, а войти в местную жизнь, познакомиться с проблемами. Мне это знание дал фронт. Как это нужно — общение с жизнью!

Мой последний курс соглашался со мной, когда я говорил о том, как бы надо походить по стране. А потом женились, пошли дети — понадобились деньги, квартиры... Почти никто не выбрался.

Художнику нужно знать среду. Не только интеллигентскую; но и крестьянскую, рабочую. Если бы не война, не кинуло меня на фронт, откуда б я узнал, что «грубый» деревенский мужик может быть куда добрее и мягче, чем иной профессор-доктор? А мужики эти и человечнее, и скорее поделятся последним, чем обеспеченные, «воспитанные люди». У меня стало другое отношение к таким людям.

Потому, закончив картину, я приглашаю в мастерскую на обсуждение не только профессиональных живописцев, а обыкновенных людей самых разных профессий. Спрашиваю их: что я написал? И если они видят не то, что я хотел, думаю, как сделать, чтобы они прочитали мой замысел.

— А бывает, видят нечто, о чем вы и не подозревали, но еще глубже?

— Бывает. Так было и с моими новыми полотнами «Дом друга моего» и «Собеседники». Бывают подсказки, которые меня радуют. Нередко это подсказки непрофессионалов. А художник часто ограничивается техническими замечаниями: композиция вялая, одна рука длиннее. Мы же не замечаем у Рембрандта в «Блудном сыне», что одна рука нарисована хуже другой. Может, это автору не так важно? Меня, например, куда больше, чем красота цветовых созвучий или сочетание теплого и холодного, волнует отношение к жизни, борьба Добра и Зла.

С. НОВИКОВА.

НА СНИМКАХ: репродукции с картин «Мама, я пошел в ДК» и «Весна».

